

Фабрика славы

Моск. новости. - 1997. - 31 авг. - 7 сент. - с. 20
ВПЕЧАТЛЕНИЕ

Только что получил в подарок четыре аудиокассеты с записью бесед
Михаила Чехова. Актера записали его ученики
незадолго до смерти в 1955 году.

Подарок вручили в Лос-Анджелесе, где пришлось преподавать этим летом. Чтоб никто не мешал, иду на океан, беру магнитофон с наушниками. Гитарный перезвон, бодрый голос женщины, чеховской ученицы, предваряющей разговор. Настоящая американская зазывающая интонация, и сразу вслед — старческий, довольно высокий, чуть надтреснутый голос того, кого считают величайшим русским актером. Я, конечно, понимал, что он будет говорить по-английски, но психологически к этому впечатлению не смог подготовиться. Кажется, наизусть знаешь все эти тексты, но трудно поверить, что их «озвучивает» Михаил Чехов. Сквозь дрожь непроходящего волнения пытаешься вникнуть в смысл ровных речевых периодов, которые накалывают друг на друга, как волны в океане. Чужой языковой аппарат, иное натяжение голосовых связок, черт его знает что еще, но речь оскопляется, в ней нет каких-то важнейших ферментов. Сам бы он, вероятно, сказал, что речь утрачивает присущую ей природную атмосферу, которая неотделима от души живого языка.

Время и место остраивали звучащий текст. Была какая-то тоскливая горечь в самом соединении чеховского голоса, потерявшего родной интонационный строй, и этого грязного городского пляжа, океана и черных ребятишек, орущих на каком-то своем наречии, которое многие белые американцы понять не в состоянии. Дико было слушать здесь рассуждения о московской советской публике, объяснившей Чехову его Гамлета и некоторые тайны высокой игры. «Сегодня я играю для рабочих — и это Гамлет и рабочие, завтра играю для докторов или актеров, и это будет иной Гамлет, для докторов и актеров...»

Он умер в городе, который все тут зовут «Эл. Эй». Подобно миллионам туристов, меня тут

же притащили пройти по «дороге славы». Собственно, этих дорог две: старая и новая. Новую — на тротуаре, идущем вниз по голливудскому бульвару, начали в 1960 году, пятиконечные звезды тут сделаны из бронзы, а покоятся они на плитах из розоватого мрамора. Последним на этой дорожке стал Джек Николсон, которого засадили в мрамор в декабре прошлого года. Говорят, он стал 2077-й звездой. Уголок славы у Китайского кинотеатра более древний, его начали создавать во времена немого кино, задолго до чеховского появления в городе ангелов. Тут нет гранита, а есть простой бетон, на котором навеки расписались кинозвезды. Здесь не только имена, но и отпечатки ступней и ладоней. Можно примерить руку или сунуть ногу в чей-нибудь отпечаток и гордо осознать, что размер совпадает. Я тоже попробовал — терпкое чувство. Эффект примерки судьбы. Некоторым любимцам муз удалось протиснуться сюда и своих четвероногих друзей. Застывший бетон равнодушно принял в лоно вечности лапы нескольких собачек, которые, в отличие от своих хозяев, не сумели на бетоне расписаться (ударение на предпоследнем слоге). Близость Великого Успеха и Больших Денег пьянит туристов. Уголок славы все время пополняется еще живыми экспонатами, соблазняя неокрепшие умы. Достаточно заработать какое-то количество миллионов и быть на устах у всех, чтобы твою кандидатуру «рассмотрели» и внесли в бетонные святцы. Есть комитет, который решает, кому быть увековеченным. Одни рвутся попасть сюда, другие, очень немногие, — отказываются, не желая лежать распятыми под ногами толпы. Говорят, и у нас начали делать что-то подобное: легко представить, что из этой затеи выйдет.

На бетоне вы не найдете звезды Михаила Чехова, хотя именно здесь он прожил свои последние годы, снимался и воспитал многих из тех,

Могила М.А. Чехова

по чьим «отпечаткам» теперь шаркает толпа. Тем более острым было желание найти место его последнего успокоения. Почему-то я был уверен, что тут если не каждый житель, то уж любой актер знает, где чеховская могила. Никто из американцев не знал. Потом один наш бывший студент, выпускник программы Школы-студии МХАТ и Карнеги Меллон университета, раздобыл сведения и повез на огромное кладбище под названием «Forrest lawn», то есть на «Лесную лужайку». Чехова он нашел мгновенно: наш провожатый когда-то воевал во Вьетнаме и очень хорошо ориентировался на местности даже в джунглях, не то что на «Лесной лужайке». Главный ориентир, ему указанный, — Чехов лежит в середине крутого холма, между двумя большими деревьями. Так и оказалось.

На «Лесной лужайке» нет ни памятников, ни живых или засохших цветов, свидетельствующих о том, что ушедшего кто-то еще помнит. Все уравнено изумительно ровно постриженной вечнозеленой травой. Стандартные плоские серые плиты, очень похожие на те, что лежат у Китайского кинотеатра, почти сравнялись с землей и лугом. Если смотреть снизу, от подошвы холма, могилы вообще не увидеть. Рядом с Чеховым — могила его жены Ксении (она умерла пятнадцать лет спустя). Крест, выбитый на могильной плите, и падающая тень от двух деревьев — единственное, что напоминает здесь о русском кладбище, вернее, о том, как мы представляем себе бессмер-

тие. Для нас — это покой и тень. Для американцев — солнце и открытое небо. Не знаю, как кого, но меня всегда озноб пробирает при виде этих оголенных безликих могил, выстроенных в шеренгу и открытых палящему зною. Может быть, практичные американцы не хотят видеть никаких преград и препятствий в случае возможного переселения в лучший из миров?

С высоты чеховской могилы открывается часть Голливуда. Внизу, прямо под нами, — студия Уолта Диснея, чуть дальше —

Warner Brothers. Архитектура warehouse'ов, то есть складов, ангаров и сараев, в которых кова-лись и куются претенденты на «дорогу славы».

Мы посидели с «вьетнамцем» около Михаила Александровича Чехова, сфотографировали окрестности, а потом друг друга на фоне вечности. Помолчали. Потом приятель вздохнул и произнес сакраментальное «Very nice location» («Какой хороший район»), как будто мы собирались снять здесь квартиру или купить дом. Фабрика славы по имени Hollywood затаилась внизу и тоже помалкивала. Или просто сюда не доносились звуки живой жизни, которая разворачивалась у подножия крутого холма. Потом сели в машину, достали кассету, начали слушать и спорить, какой у Чехова тембр голоса. Запись сделана на любительском магнитофоне, обертоны трудно различить. Михаил Чехов рассуждает о тайнах актерской профессии, раскрывает ослепительные вещи, но говорит он бесцветно, слишком грамотно. Иногда кажется, что читает заранее переведенный текст. Навстречу и рядом бежит город ангелов, мелькают приземистые белые дома и виллы, плотно вгрызающиеся в землю. В этой безразмерной американской Ялте всегда готовы к землетрясению и потому не любят селиться в высоких домах.

Анатолий СМЕЛЯНСКИЙ

07.09.97

Михаил

Чехов